

М. Килани-Шох — швейцарский лингвист, ученица В.У. Дресслера, специалист по морфологии арабского и французского языков (ряд ее работ был посвящен также проблемам патологии речи); в настоящее время преподает в университете Лозанны.

Первая фраза рецензируемой книги гласит: "Естественная лингвистика достигла того уровня, когда о ней заговорили". С этим нельзя не согласиться: "естественное" направление — одно из самых своеобразных и современных направлений лингвистической мысли в Европе, и то, что его сторонники избегают шумной рекламы, не делает его менее заслуживающим внимания. Сам термин "естественный" в том его понимании, которое имеется в виду, первоначально возник в рамках "естественной фонологии" американца Д. Стэмпа [1, 2], но "естественная морфология" (ЕМ) как самостоятельная дисциплина сформировалась на территории немецкоязычных стран Европы в трудах, главным образом, В.У. Дресслера, а также В. Майерталера, В.У. Вурцеля, О. Панаглы и др. [3—6]. Книга М. Килани-Шох представляет собой прежде всего подробное изложение "стандартной теории" ЕМ в том виде, как она представлена в упомянутых выше и других работах; при этом автор специально обращает внимание на особую новизну положений ЕМ для франкоязычной аудитории, так как во Франции традиционно сильны позиции ортодоксального "структурализма" ("функционализма"), во многом идущего вразрез с постулатами ЕМ. Однако автор не ограничивается задачей "просвещения" франкоязычных читателей: в последней главе книги ("Аспекты типологии французского языка") содержится попытка применить некоторые положения ЕМ к описанию истории развития французского языка.

Книга строится по следующему плану: в первой части вводится понятие естественности и поясняется его роль в концепции естественной лингвистики. Перечисляются общие принципы, лежащие в основе любых разновидностей этой концепции (гл. 1), и более подробно характеризуется воплощение этих принципов в модели Дресслера, наиболее разработанной и целостной в этом ряду (гл. 2). Далее излагаются теории, относящиеся непосредственно к области естественной морфологии, — это центральная часть книги. В гл. 3 рассматриваются общие проблемы ЕМ: ее соотношение с другими морфологическими теориями, ее эм-

пирическая основа и теоретические источники (такие, как понятие признака или семиотика Пирса); в приложении к этой главе дается определение ряда основных понятий морфологии. Далее рассматриваются конкретные модели ЕМ, предложенные разными исследователями: "универсальная" модель Майерталера в сопоставлении с "системной" моделью Вурцеля (гл. 4) и — наиболее подробно — "процессуальная" модель Дресслера (гл. 5), охарактеризованная ранее в общих чертах. В гл. 6, являющейся эмпирической частью работы, исследуются особенности морфологической типологии французского языка.

Не останавливаясь подробно на частностях, отметим наиболее существенные черты ЕМ как лингвистической теории. "Естественный" подход к языку основывается прежде всего на том, что язык — это инструмент, который человек использует для определенных целей (коммуникация, познавательная деятельность и т.п.); следовательно, различные аспекты устройства этого сложного инструмента должны иметь естественное, "природное" объяснение — с точки зрения того, для чего и как он используется. В частности, морфологические факты должны получать объяснение в рамках общей функционально-семиотической модели языка, которая претендует также на "психологическую адекватность" (т.е. на соответствие прототипу). Рассматриваемая теория исходит из того, что язык стремится к естественной организации, а естественный — это, в самом общем виде, наиболее простой и наиболее удобный для выполнения соответствующих функций.

Функционально-коммуникативная эмпфаза свойственна не только "естественному" подходу: в этом аспекте он близко смыкается с так называемым когнитивным подходом к языку, особенно с когнитивной типологией (Т. Гивон, Х. Зайлер и др.); из предшественников же естественная теория в наибольшей степени опирается на работы Р.О. Якобсона. Собственно говоря, ни одна из предшествующих лингвистических теорий не считала себя "неестественной"; отличие провозглашаемого подхода (особенно в морфологии) состоит прежде всего в том, что естественность объявляется главным объектом как описания, так и теоретического осмысления, а языковые факты (например, те или иные морфологические особенности конкретного языка)

получают объяснение в рамках функциональной модели, претендующей на соответствие реальности. Отличия достаточно явные, если вспомнить таксономическую морфологию классического структурализма или конвенционалистские модели классического генеративизма с их критериями "оптимальности", принципиальной "множественностью описаний" и т.п. Другой важной особенностью ЕМ является ее комплексный, синтетический взгляд на языковую систему: ведь наиболее естественные фрагменты системы должны быть наиболее распространенными в языках мира, наиболее частотными в данном языке, наиболее стабильными при диахронических изменениях и наиболее легко усваиваемыми, например, при овладении языком детьми (так, нелабиализованные гласные переднего ряда более естественны, чем лабиализованные, а из словоформ множественного числа наиболее естественны те, которые длиннее словоформ единственного числа).

Подробнее хотелось бы остановиться на определении основных понятий морфологии, которыми автор предваряет центральную часть книги. Среди этих понятий большая часть относится к так называемой формальной морфологии (корень, слово, морфема, клитика, операция и др.) и лишь одно (хотя и крайне важное) — к области морфологической семантики: это словоизменительная (флективная) vs. словообразовательная морфология. Наиболее глубокая и последовательная система определений для понятий формальной морфологии на сегодняшний день разработана, как это общепризнано, И.А. Мельчуком (последняя по времени версия изложена в [7]). Таким образом, не вызывает удивления, что в определении таких понятий, как словоформа, корень или супплетивизм, автор всецело следует Мельчуку. Более того, те модификации, которые предлагаются автором (самостоятельно или со ссылкой на других приверженцев ЕМ), явно неудачны. Так, трудно, в частности, объяснить отказ от дихотомии морф/морфема (как совокупность алломорфов) при определении минимальной морфологической единицы, равно как и возврат к понятию "внутренней флексии", объединяющему индоевропейские и семитские языки (с. 71, 133 и др.), после убедительных доказательств Мельчука как раз их различия, т.е. того, что в индоевропейских языках представлены чередования, а в семитских — аффиксация особого типа ([7], ср. также [8]). Не слишком ясен и раздел, посвященный противо-

поставлению словоизменения и словообразования: после "дежурных" рассуждений о градуальном характере этой оппозиции следует перечисление ряда "критериев", по которым "прототипическая флексия" отличается от "прототипической деривации". Первую, в частности, характеризует: меньшая "дефектность парадигм" (т.е. регулярность, или формальная стандартность), менее идиоматичный характер производных форм (т.е. семантическая стандартность), тенденция к сохранению синтаксической категории, наиболее маргинальная позиция в словоформе и т.п. Вряд ли апелляция к аппарату теории прототипов здесь удачна: если и нельзя сказать, что приведенные критерии всегда неверны, то достаточно очевидно, что они далеко не всегда верны (особенно в агглютинативных языках с развитым продуктивным словообразованием) и, что самое главное, не являются операционными, т.е. не работают в "пограничных ситуациях". Признак же, который для разграничения словоизменения и словообразования, по-видимому, все же является исходным — а именно, обязательность — автором, как ни странно (ведь ЕМ считает себя продолжающей традицию Якобсона!), вообще не упомянут.

Семантической основой ЕМ служит знаковая теория Ч. Пирса, в особенности тот ее фрагмент, где вводится понятие иконического знака, чрезвычайно важное для концепции ЕМ. Ее авторы полагают, что взамен сосюрковского принципа произвольности языкового знака должен быть принят более плодотворный принцип мотивированности языковых знаков; в частности, в морфологии преобладает использование иконичных знаков (что в свое время отмечал еще Якобсон). Все естественное является мотивированным, функционально обусловленным, а поскольку естественное в языке статистически преобладает, то и мотивированные знаки в принципе более характерны для языка, чем немотивированные. Все случаи нарушения этих принципов должны иметь специфические объяснения (диахронические или системно обусловленные).

Особая глава книги посвящена сопоставлению двух моделей ЕМ — Майерталера и Вурцеля, в которых понятие естественности применяется к разным характеристикам языковой системы. Майерталер [4] рассматривает понятие системно-независимой естественности в рамках универсально-морфологической модели. Ключевым для Майерталера является понятие маркированности: феномен тем более естествен, чем он менее маркирован, и наоборот. Соответственно, утверждается, что во всех язы-

как более распространены (диахронически устойчивы) более естественные и менее маркированные образования; их признаками являются: конструктивная иконичность (семантически производное слово является также морфологически производным), униформность (отсутствие алломорфизма) и морфотактическая и морфосемантическая "прозрачность".

В центре модели Вурцеля [5] лежит понятие системно-обусловленной естественности, служащее главным образом для объяснения тех внутренних законов, по которым происходят постоянные внутренние преобразования морфологических парадигм (в том числе и такие преобразования, которые утверждают "менее естественные" феномены вместо "более естественных" по Майерталеру). Согласно Вурцелю, господствующими принципами организации морфологической системы являются: наличие ярко выраженных "структурных свойств" системы (формальных признаков, по которым одни парадигмы или классы парадигм противопоставляются другим) и устойчивость словоизменятельных классов с "независимой мотивацией" (чем лучше мотивация класса в целом, тем он более устойчив к диахроническим изменениям, выше его продуктивность и т.п.). Принципы системно-обусловленной естественности, действующие в пределах словоизменятельных парадигм, являются более сильными, чем общие принципы Майерталера, и поэтому в большом числе случаев принципы системно-независимой естественности в языках не соблюдаются.

Наиболее подробная характеристика дается в книге модели Дресслера, которая, как и модель Майерталера, направлена на описание универсальной, системно-независимой естественности. При этом морфологическая естественность понимается как следствие общих когнитивно-семиотических принципов организации языка, и постулируется (в отличие от большинства других современных моделей) примат экстралингвистических причин над лингвистическими при объяснении особенностей функционирования морфологических систем. Естественность определяется как градуальный признак, который выражен тем сильнее, чем выше значения параметров на следующих шкалах: диаграмматичность парадигмы, морфотактическая прозрачность, взаимнооднозначность, индексальность (степень связи морфемы-означающего с морфемой-означаемым, например флексии с основой) и др. Разные морфологические типы языков в разной степени удовлетворяют требованиям

естественности: наиболее полно они выражаются в рамках агглютинативного типа, недостатком которого является лишь большая длина словоформ, ведущая к слабой индексальности; индексальность высока в языках флективного типа. Однако им свойственна слабая морфотактическая и морфосемантическая прозрачность, неоднозначность аффиксов и т.п. Большое место в модели Дресслера отводится также возможности предсказывать языковые изменения как тенденции развития системы в сторону устранения ее наименее естественных фрагментов.

В заключительной главе автор обсуждает как раз некоторые тенденции такого рода в развитии французского языка: с точки зрения автора, современный французский язык является формирующимся агглютинативным типом с сильными элементами изоляции; "новая агглютинация", развивающаяся на протяжении нескольких последних столетий, призвана усилить естественность сильно разрушенной французской морфологической системы. Одной из ключевых тенденций считается также интенсивное развитие во французском языке морфологической препозиции/предетерминации — такова, в частности, элитивная префиксация. Рассматриваются также разнообразные тенденции преобразования частных морфологических парадигм глагола.

Оценивая книгу в целом, следует четко различать два аспекта: оценку труда автора по составлению информативного введения в проблематику ЕМ и оценку самой ЕМ как теоретического направления лингвистики. По поводу первого не может быть двух мнений: книга М. Килани-Шох очень хорошо соответствует своему жанру, лаконична, доступна и будет с большой пользой прочитана всеми, кто хотел бы получить начальное представление о ЕМ. Вторая проблема гораздо более сложна и, видимо, требует отдельного обсуждения. Здесь хотелось бы подчеркнуть лишь одно. ЕМ, бесспорно, опирается на весьма давние и плодотворные традиции; и каковы бы ни были ее возможные недостатки (а они есть — в первую очередь это известная расплывчатость исходных понятий), ЕМ существенно раздвинула тесные рамки классической морфологии, превратив ее из пыльного склада фактов в живую, центральную область лингвистической теории. Тот "морфологический ренессанс", который ныне признается многими лингвистами (ср., например [9]), в первую очередь связан именно с ЕМ, и каковы бы ни были последующие морфологические теории, они должны будут в той или иной степени учесть и ее опыт.

1. Donegan P., Stampe D. The study of natural phonology // Current approaches to phonological theory / Ed. by Dinnsen D. Bloomington, 1979.
2. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Современная американская фонология. М., 1981.
3. Dressler W.U. Morphology // Handbook of discourse analysis / Ed. by van Dijk T. V. II.
4. Mayerthaler W. Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
5. Wurzel W.U. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. B., 1984.
6. Dressler W.U., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W.U. Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
7. Meřčuk I.A. Towards a language of linguistics: A system of formal notions for theoretical morphology. München, 1982.
8. Мельчук И.А. О "внутренней флексии" в индоевропейских и семитских языках // ВЯ. 1963. № 4.
9. Molino J. Le retour de la morphologie // Langages. 1985. V. 78.

Плунгян В.А.

Croatica. Slavica. Indoeuropaea. Wien, 1990. 299 S. (Wiener slavistisches Jahrbuch. Ergänzungsband VIII).

Настоящий сборник посвящен юбилею Радослава Катичича, профессора Венского университета, широко известного своими трудами в разных областях славянского и индоевропейского языкознания. В названии сборника *Croatica. Slavica. Indoeuropaea* обозначены основные направления научной деятельности юбиляра, тематика статей, принадлежащих перу известных ученых из европейских стран и Америки. В сборнике 35 статей, они не сгруппированы по тематическому принципу, а расположены в порядке следования фамилий авторов. Статьи охватывают широкий круг проблем, актуальных для современной науки. Это — исследование вполне конкретных, частных вопросов, теоретические разработки, дающие более точные методологические подходы к решению тех или иных задач, славянские и индоевропейские этимологии, реконструкция фрагментов духовной культуры, анализ проблем индоевропейского и балканского языкознания и т.д. По существу каждая из статей, входящих в настоящий сборник, представляет собой вполне самостоятельное, законченное исследование со своей проблематикой, своим подходом и конкретным языковым материалом. Особую ценность, значимость и глубину этим работам придает то обстоятельство, что любая проблема рассматривается в широком контексте последних достижений науки с учетом новейшей методики. В пределах отведенного нам объема мы не сможем сколько-нибудь подробно остановиться на всех работах этого сборника, хотя многие из них заслуживают того, чтобы быть пред-

метом специального научного анализа. Свою задачу мы видим в том, чтобы в самом общем виде охарактеризовать проблематику статей. В соответствии с нашими интересами попытаемся более подробно охарактеризовать работы, в которых освещается праславянская проблематика.

В названии сборника на первое место вынесено *Croatica*. В этом — проявление уважения к юбиляру, родом из Загреба, в прошлом профессору Загребского университета. Значительная часть статей связана с хорватской и шире — сербохорватской проблематикой. В них освещаются самые разные вопросы из области современного функционирования языка, диалектологии, истории языка, акцентологии и т.п. С помощью новейших методов исследуется семантика предлога в выражениях типа *sedeti na suncu* // *sedeti u hladu* (М. Ивич), употребление притяжательного местоимения *svoj* (М. Михалевич), так называемые бессоюзные зависимые предложения (С. Бабиц). В связи с теорией языковых контактов Р. Филипповичем рассмотрены виды морфологической и фонологической адаптации англицизмов в сербохорватском языке. Для лексикологов и лексикографов несомненный интерес представит анализ фразеологизмов в произведении Марулича "Юдита" (М. Могуш). Аорист в сербохорватском языке и его истории стали предметом исследования Н. Юрич-Каппел. По мнению автора, сохранению кратких претеритных форм в данном языковом пространстве способствовали два фактора — типологический (вхождение в Балканский языковой союз) и социолинг-